

Наталья Олеск

**Остров спасения —
Русский**

Наталья Олеск

Остров спасения – Русский

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67931018

SelfPub; 2023

Аннотация

События книги происходят в разных годах, начиная с 1919-го и заканчивая 2000-ми. История начинается приездом петербургских детей из благородных семей царской России на далекий Русский остров Приморского края, где они проведут год своей жизни. Как многие потом отметят, лучший в их жизни. Далее события будут перемежаться с иными временными вехами: 1938-й – репрессии, 1941-й – Великая Отечественная война и другие... Главные герои будут искать и находить, влюбляться и помогать друг другу. Автор не претендует на абсолютно полное, с математической точностью воспроизведение исторических событий. Ведь даже у настоящего существует огромное количество разночтений. Огромное влияние на описание того или иного события оказывает отношение к нему самого автора. Все, что описано в произведении, было, пусть и не столь фотографично, как в учебниках. Основная нить приключенческой повести – любовь, дружба и взаимовыручка в самые непростые периоды нашей страны за последние сто лет....

Наталья Олеск

Остров спасения – Русский

*Сердечная благодарность за помощь
в подготовке книги*

моим любимым родным:

*бабушке Олеск Эльвире Югановне,
ее сестре Олеск Лидии Ивановне,
папе Олеску Александру Васильевичу,
тете Олеск Татьяне Анатольевне
и моим глубокоуважаемым соседям:
Сапону Виктору Ивановичу
и Кравченко Татьяне Ивановне*

*Где океан, век за веком стучась о граниты,
Тайны свои разглашает в задумчивом гуле,
Высится остров, давно моряками забытый, Ultima Thule.
Вымерли конунги здесь, что царили когда-то,
Их корабли у чужих берегов затонули.*

*Грозно безлюдье вокруг, и молчаньем объята Ultima
Thule.*

*Даже и птицы чуждаются хмурых прибрежий,
Где и тюлени на камнях не дремлют в июле,
Где и киты проплывают все реже и реже... Ultima Thule.
Остров, где нет ничего и где все только было,*

*Краем желанным ты кажешься мне потому ли?
Властно к тебе я влеком неизведанной силой, Ultima
Thule.*

*Пусть на твоих плоскогорьях я буду единым!
Я посету ряд могил, где герои уснули,
Я поклонюсь твоим древним угрюмым руинам, Ultima
Thule.*

*И, как король, что в бессмертной балладе помянут,
Брошу свой кубок с утеса, в добычу акуле!
Канет он в бездне, и с ним все желания канут... Ultima
Thule*

Валерий Брюсов, 1915 год

Глава 1

19 ноября, 1919 год,
город Владивосток,
остров Русский, поселок Канал.

Маша лежала на худом матрасе дощатой кровати, смотрела на высокий, густо выбеленный потолок, куталась в теплые вещи, которые дали жители железнодорожных станций на остановках состава по дороге с Урала в Приморье. Многие, зная про приближение поезда с детьми, подходили заранее, приготовив самое необходимое: продукты, одежду, одеяла, матрасы, спички, свечи, книги, игрушки... Детей было около тысячи. Отправлялись в лагерь на два месяца и, конечно, планировали вернуться домой, в Петербург, к нача-

ду учебного года. Никто не думал, что разрушающая все на своем пути Гражданская война застанет врасплох, сперва задержав целый год на Урале, а затем будет гнать стремительными военными действиями дальше и дальше от дома. Американский Красный Крест, под чьей эгидой собрали детей из благородных семей столицы, принял решение соединить организованные им летние лагеря в один поезд и спастись бегством от диких и невыносимых военных ужасов, направляясь на восток по Транссибирской железнодорожной магистрали.

...Запомнился Красноярск: здание вокзала глубокого зеленого цвета поразило фундаментальным величием и торжественностью. Маша во все глаза разглядывала высокие шпили здания, его высокие окна с цветными стеклами, сложные узоры на стенах и полукруглой крыше, из-за чего вокзал был похож на огромную шкатулку с самоцветами. В поезде девушка пересмотрела большую часть коллекции камней, собранных детьми разного возраста в пригороде Миасса Южного Урала. Интересных экземпляров было предостаточно, в особенности малахита. Ее живое воображение сразу нарисовало, как в здании-шкатулке лежат драгоценности. В других сибирских городах, где останавливался поезд, вокзалы также производили грандиозное впечатление, но именно первое, подробно рассмотренное ею здание в Красноярске запомнилось больше других. Вполне возможно, это произошло из-за событий, там приключившихся...

На станции собралось значительное количество людей. Разношерстная толпа, начиная от совсем простых и заканчивая людьми богатого сословия, ожидала прибытия поезда. В стороне, на пригорке, стояли несколько женщин с детьми. Они были, в отличие от многих, нарядно одеты: женщины в белых платках с широким тонким кружевом, длинных, в пол, цветных шерстяных платьях; по краям широких рукавов и подола сверкал бисер, на жилетах с меховой оторочкой красовалась нежная вышивка; на девочках и мальчиках пестрели нарядные вязаные шапочки. Поезд остановился, толпа радостно загудела, заволновалась.

Дети не спеша выходили на платформу. Маша заранее приготовилась быть в первых рядах на станции. Одна из тех нарядных красавиц встретила глазами с девушкой, помахала рукой и стала пробираться к ней сквозь толпу. Быстро преодолев препятствия и вплотную приблизившись к Маше, отдала холщовый сверток и мешочек с вышитыми разноцветными снежинками, успев шепнуть на ушко: «Носи с удовольствием! Никому не отдавай и не передаривай, в поезде не разворачивай! А в гешелёк загляни!» И после короткой паузы, ласково глядя на девушку, добавила: «Береги его!» После этих слов она будто исчезла, растворившись в толпе, а через некоторое время вновь оказалась рядом со своими. Маша спрятала подарки под теплый пуховый платок: ожидания, странствия и неизвестность научили бережному отношению ко всему материальному. Неожиданные события на

вокзале произошли молниеносно, ситуация ошеломила ее, и девушка от растерянности даже «спасибо» вымолвить не успела. К другим детям тоже подходили и передавали разные вещи. Кто-то вручил ей целую корзину с пирожками и прочей снедью, а она, словно замороженная, пыталась разглядеть сквозь толпу своих дарителей, пока они не скрылись из поля зрения. Людей на привокзальной площади прибавлялось. Петербургские дети теснились ближе к поезду, чтобы не потеряться и не остаться на перроне. Раздались протяжные гудки паровоза, означающие отбытие, и Маша вернулась на свое место, окнами выходящее на сторону вокзала. Девушка долго старалась найти тех женщин с детьми, и в последний момент они очутились возле ее вагона: оживленно размахивали руками, улыбались и возбужденно кричали. Невольно Маша открыла окно и начала вырисовывать в воздухе витиеватые знаки, видимо, означающие слова благодарности. На секунду показалось, что ее заметили, и слезы градом покатались по щекам. Такое краткое проявление внимания и любви запомнилось на всю жизнь. Она была из богатейшей семьи и ранее про лишения знала только понаслышке. Делать все самой, иногда терпеть голод с холодом, а главное, не простудиться на сквозняках – это стало непривычной и поначалу тяжелой действительностью. Маше было шестнадцать лет, и она прекрасно осознавала: если заболит, лечить будет некому. Когда поезд набрал ход, девушка села на скамью, незаметно спрятав сверток под одеяло и с

немалым любопытством развязав мешочек. «Она сказала – гешелёк?» – вспомнила слова женщины. В нем, обернутая в хрустящую соломку, лежала стеклянная довольно объемная бутылка с жидкостью. На вложенной инструкции от руки печатными буквами была надпись: «Настой трав на спирту. При любых проявлениях простуды полоскать горло, натирать замерзшие руки и ноги. Лечить старые и свежие раны, от зубной боли», а далее подробные указания, в какой пропорции смешивать лекарство с водой или растительным маслом; список трав, из которых изготовлен бальзам, и способ приготовления. Маша из лечебных трав списка слышала лишь про ромашку и календулу. Крепко прижав сосуд с целебным снадобьем, мысленно говорила Богу спасибо; затем легла и моментально уснула, крепко держа свое сокровище. Проснулась оттого, что настойчиво дергали за рукав. Это была Лиза, десятилетняя девочка, которую она опекала в весьма затянувшемся летнем отдыхе, дочь хороших знакомых родителей. Во время остановки в Красноярске Лиза спала, и Маша решила не будить девочку – та в последний период крайне плохо себя чувствовала. Пугал горячий лоб малышки. Несмотря на темноту, было видно, как ее широко раскрытые глаза блестели лихорадочным огнем. Маша налила в стакан с водой несколько капель дареной настойки, а дальше следовала рецепту: натерла Лизе ладони, ступни, лоб, за ушами и верхнюю часть спины; затем дала теплых пирожков с капустой и молока с медом, лежавших в корзин-

ке, надела Лизе шерстяные носки и варежки, оказавшиеся вместе с едой, – они удивительным образом пришлись девочке впору, и уложила подопечную спать. Сама тоже перекусила – малоизвестно, когда придется в следующий раз. Воспитатели, конечно, заботились о детях, доставая необходимое, но иногда не хватало элементарного. Добытые продукты и вещи, если было что делить, распределялись детьми без помощи взрослых. Между собой не соперничали, действовали по справедливости, но уже знали: в этой жизни можно остаться голодным, раздетым и разутым. Машиного возраста детей было немного, примерно пятьдесят человек, самым младшим – около восьми лет. За малышами следили старшие: кто братья-сестры, а кто как Маша. Держались дружно, но голод с холодом порой начинали чуть ли не верховодить детьми, в основном младшими. Тут подключались воспитатели. Те чутко объясняли: их обязательно вдоволь накормят и дадут теплую постель. Но это будет во Владивостоке, где кровопролитная война еще не успела занять город. После дети сразу успокаивались, доставали книги, которые взяли с собой или были подарены на железнодорожных станциях, и с упоением читали. Часто вслух, при этом младшие дети размещались в кружок около старшего мальчика или девочки. Воспитатели – в основном американцы и немцы.

Никто не ожидал ни революции, ни дурацкого бессмысленного убийства – русские уничтожали русских... Взрослые часто повторяли детям: особо не распространять, как ко-

го зовут; обещали со временем выдать документы с новыми именами и фамилиями. Старшие хорошо понимали всю серьезность положения отпрысков из благородных семей: без суда и следствия могли убить или покалечить за одну лишь принадлежность к своей фамилии. Род Романовых был большой. Маша всегда гордилась близостью к царской семье, но инстинкт самосохранения выше всех сословий... Она постоянно думала, как ей называться в конечном пункте назначения, перебирая в голове благозвучные имена и фамилии. Лиза – из Лопухиных, и ей также в случае преследования было чего скрывать...

Наутро девочке стало лучше: из глаз исчез нездоровый блеск, кашель уменьшился, а потница на сгибах локтей и под коленками посветлела.

– Ух ты! – воскликнула Маша, довольная результатом.

А про себя отметила: «Надо будет изучить травы этого настоя». Вспомнила красивую женщину, передавшую сверток, ее длинные пушистые ресницы и искрящийся добрый взгляд карих глаз. Чрезвычайно не терпелось рассмотреть подарок, но она вняла голосу сердца и послушанию – ведь дала обещание, что вскрыет пакет только по прибытии.

Прошло несколько дней. Перед глазами путешественников представляли незнакомые, потрясающие красотой пейзажи: бесконечные равнины, поросшие желтыми и оранжевыми лилиями; острые, со снежными верхушками горы; густая непролазная тайга с треугольными елками-колоссами, пол-

новодные быстрые реки. Последние скрывались, когда состав врывался в очередной тоннель, затем поезд пересекал мутные бурлящие воды, мчась по узким длинным мостам; затем они бежали бок о бок с рельсами, соревнуясь по скорости с пыхтящим железным зверем. Не единожды наблюдали за бегущими вдоль поезда медведями, кабанами и оленями. Многодневное путешествие подходило к концу...

Владивосток встретил необычайным зрелищем: недалеко от вокзала растянулся и лениво жмурился живой тигр. Дети в страхе и одновременно с любопытством прильнули к окнам, рассматривая огромных размеров усатое-полосатое чудище, и долго боялись выходить на перрон. Лишь потом узнали: тигр ручной, всеми известный заслуженный артист бродячего китайского цирка; его в высшей степени качественно, а главное, вовремя кормили, поэтому он был добрым и милым, по крайней мере со стороны и с высоты поезда.

По приезде некоторые юноши из детской колонии сразу вступили в армию Семенова. Сначала воевали где-то на границе, а когда белые стали отступать, ушли вместе со своим военачальником в Китай. Никто не заставлял и не упрашивал братья за оружие, но видя, как гибнет привычная и налаженная поколениями жизнь, по-другому поступить в тот момент не могли. И вот совсем юные мальчишки, минуя период взросления, из детского лагеря сразу попали на фронт. ...Два с небольшим месяца промчались легко и быстро.

Несмотря на начало ноября, днем температура доходила до плюс пятнадцати градусов по Цельсию. Второй раз за сезон цвела жимолость, клубника, яблони, сливы и красивейший на свете кустарник со сложным названием рододендрон с густыми темно-розовыми махровыми цветами, похожими на азалию. В переводе с греческого так и звучало – «розовое дерево». Город казался со всех сторон окруженным морем. Оно было необыкновенного изумрудно-бирюзового цвета, и в сравнении с Черным морем, которое полностью оправдывало название (семья Маши отдыхала на его побережье каждое лето), дальневосточное поражало кристальной чистотой и яркими красками. В бухту с романтическим названием Золотой Рог заплывали исполинских размеров киты, пуская над собой многоэтажные фонтаны; их сопровождали дельфины, как по команде подпрыгивающие высоко над водой. Листья с деревьев еще не опали, и приезжих это весьма удивляло. Затяжная приморская осень была в новинку. Восхищало осеннее разноцветье: здесь и нежно-желтые осины с березками и липами, и ярко-зеленые дубы с елями и кедрами, и, что больше всего впечатляло, – клены были багряно-красного цвета, отливающего десятком оттенков! В родном Петербурге осенняя природа радовала только желто-зелеными тонами. В лесу до сих пор встречались опята. Местные показали: искать грибы следует на деревьях и старых пнях. После промозглого в холодное время года Урала Приморье казалось настоящим раем. А когда петербургские дети

увидели в центре растущие пальмы, стволы которых, готовя к приближающейся зиме, укутывали теплой тканью, восторгу не было границ! На оживленных улицах сновало большое количество китайцев: в основном они ходили в длинных халатах, треугольных головных уборах и деревянных шлепанцах; иногда попадались в строгих черных костюмах и котелках, обязательным атрибутом при этом являлись напояженные тонкие усики. Владивосток, в сравнении с Петербургом, оказался небольшим; центр выстроен из красивых каменных зданий со шпилями, обилие фонтанов, клумб, на которых, несмотря на глубокую осень, цветы радовали сочными красками; богатые магазины с невероятным разнообразием товаров; сияние тысяч огней электрических ламп в вечернее время; женщины ходили с солнечными бумажными зонтиками и в светлой, ниспадающей глубокими складками одежде – глаза от всего разбегались! Первое впечатление, запомнившееся и сопровождавшее Машу всю жизнь, было ярким и чарующим: теплый, солнечный, сложенный из белого камня город, вокруг которого простирается ласковое прозрачное море...

Среди царящей неразберихи и опасений за свое будущее свершилось поистине чудо: после длительных переговоров с властями детскую колонию решили расселить на Русском острове, расположенном недалеко от города. Переправлялись туда-обратно на вельботах или лодках (старшие дети с небольшим отрядом детей помладше жили на Канале и на

учебу были определены в Алексеевскую гимназию, остальные – в поселке Пospelово), а в штормовую погоду ходили с провожатыми по туннелю, который заканчивался вблизи от их учебного заведения. Маша с Лизой обживались на Канале, на территории искровой станции Телефункен, в одной из казарм, где раньше располагался обслуживающий персонал и военные. Их решили не разлучать, так как они назывались сестрами. На станцию детей пускали в сопровождении взрослых, но каждая из экскурсий ознаменовывалась величайшим любопытством и восторгом, а затем рассказами взахлеб и сочинениями разнообразных историй. Самым незабываемым впечатлением от искровой станции, конечно, была 75-метровая мачта, стоявшая рядом с основным зданием. Некоторые мальчишки всякий раз пытались взобраться на нее, да повыше, получали за это нескончаемые нагоняи от воспитателей, но поползновения не прекращались. Мальчишки есть мальчишки! Еще одним объектом глубокого внимания, наблюдения и подробнейшего изучения, несомненно, была канатная дорога. По ней в теплую, безветренную погоду в обе стороны отправлялись грузы, необходимые для жизнедеятельности как острова, так и материковой части.

Будучи взрослой, Маша не единожды размышляла над подлинными причинами их путешествия. Зачем Американский Красный Крест в то смутное время организовал детские летние лагеря, проживание в которых было весьма дорогим – до девяноста рублей в месяц с ребенка; с какой це-

люю увез в далекий приморский город и что на самом деле делали американцы на искровой станции... Через довольно продолжительный период стало известно следующее: по прибытии поезда с царским золотом на Дальний Восток забытые аж на целый год петербургские дети из разных лагерей Урала и Казахстана по возможности были собраны в результате невероятной шумихи в печати в единую детскую колонию, быстро последовавшую за бесчисленными богатствами Российской империи. В 1919 году во Владивостоке численность населения резко увеличилась: многие прибывали в надежде жить вдали от военных событий, не зная, останутся они здесь навсегда или, преодолев морские границы, последуют в Японию, Китай, Корею или Америку. Приезжали и такие, кто искал легкой наживы. Открылось большое количество банков. Оправдались ли истинные цели, достигли ли желаемых результатов организаторы Американского Красного Креста, Маша не имела ни малейшего представления.

Развернуть подаренный сверток удалось лишь на третий день: в нем находились вязанные плотным узором шерстяные варежки, на коричневом фоне которых розовели восьмиугольные снежинки с зелеными листьями; шапочка с тем же узором, воздушное льняное платье с широким кожаным, вышитым бисером, поясом, почти невесомый жилет из тончайшей светлой кожи с нежной меховой оторочкой, точь-в-точь как на тех женщинах со станции, и прелестные атлас-

ные туфельки. В глубине вещей лежал кошелек с десятью золотыми монетами, каждая достоинством десять рублей, маленькое круглое зеркало в серебряной рамке и записка со словами: «Береги его». Увидав деньги, Маша спрятала кошелек обратно в сверток. Воровства среди детей не замечалось, но она уже знала по своему невеликому опыту: лучше не искушать. Деньги при случае зашила в пояс школьного платья. Ткань была грубая, плотная, сверху надевался фартук, поэтому контуры монет не проглядывались. С формой выручили жители, дети которых выросли, а платья, фартуки и прочие школьные атрибуты тщательно хранились в семьях, а теперь сгодились.

У Маши долго не получалось прийти в себя от чувств, захлестнувших ее при виде внезапно свалившихся сокровищ. Но достались, считала, не совсем правильным путем. Год назад для нее это была мелочь, на которую она бы не обратила особого внимания. Теперь Маша научилась ценить. Конечно, была безмерно счастлива, но постоянно возникал один и тот же вопрос: почему? «Почему именно мне подарили? За что меня выбрали? Зачем? И слова – „береги его“... Кого подразумевали? Может, с кем-то перепутали? С кем? Надо спросить у взрослых, кто так одевается, вполне вероятно, найдется, кому полагался сверток», – размышляла девушка.

Новые документы не понадобились. Власти лояльно отнеслись к петербургским детям и воспитателям, проникшись бедственной ситуацией. Помогали чем могли, и с их стороны

к кому-либо из приехавших из-за принадлежности к благородному сословию притеснения отсутствовали. На том и порешали: пусть все останется без изменений.

В первые месяцы жизни на острове дети побывали почти на всех объектах необъятной, построенной на века Владивостокской крепости острова. Больше всего старшие мальчики интересовались системой колодцев, родников и резервуаров для питьевой воды. С вершины рядом находящейся сопки она стекала по трубам, попадая в многотонные, глубиной до тридцати пяти метров, бетонные емкости, а из них по трубам уже попадала в каждый двор близлежащих поселков Поспелово и Канала. Старожилы говорили: вода в их местах волшебная, сколь наберешь и сколь она стоит, не испортится, и это истинная правда. Женщины здесь отличались чистой ровной кожей, толстыми длинными косами и добрым нравом. От воды или еще от чего, история умалчивает, но факт. «Видимо, ветра ненужное повыдували!» – шутили они. Жаль только, источники не могли похвастать гигантскими запасами, поэтому в островских поселениях, удаленных друг от друга на приличное расстояние, проживало незначительное количество жителей.

Как-то в декабре, до морозов, дети вместе с воспитателями отправились в поход на самую высокую сопку острова – Русских, в основании поселка Подножье. Сперва сели в лодки, чем существенно сократили путь. Старшие мальчики умело справлялись с веслами – не зря тренировались больше

месяца. Переплыли внутреннюю бухту Новик, в поперечнике она не более полутора километров. Радовало солнце, тепло и безветрие, а также отсутствие снега. Дорога на сопку часто петляла и на нескольких глухих поворотах была крутоватой на подъем. Несмотря на мелкие сложности, поход проходил в бодром настроении. Ближе к вершине им попался ключ, бьющий из-под земли.

– Опять! – старшие мальчики подскочили к воде и стали пробовать ее на вкус. Та лилась густым напором, но с краткими перерывами, была свежей и прозрачной.

– Необычайное явление! – воскликнул ученый и всезнающий среди детей Петр Воронцов, сын потомственных фабрикантов. – Мы в который раз встречаем источник, бьющий с заметной силой и почти с самой высокой точки горы! Нет иного объяснения, эти сопки – молодые вулканы. Внутри бурлят дивные, положенные только им процессы: нагревание жидкости и поднятие наверх, на оконечность! Да и вода, несмотря на время года, не очень холодная!

Все присутствующие подтвердили: да, она теплее, чем на Канале. Маша, больше интересовавшаяся миром растений, еще по дороге отметила, что папоротник зеленый, хотя немного увял. На Канале он давно побурел и засох. А вслух отметила:

– И правда: до сих пор можно гербарий собирать!

Младшие девочки, довольные образовавшейся паузой, нарвали тонких зеленых веток и начали плести венки, надев

по готовности поверх теплых платков. На вершине расположился военный форт, к нему шла мощенная ровным гранитным камнем розового цвета в темную крапинку изрядно широкая дорога. Над входом красовались огромные бетонные цифры «1909». На искровой станции тоже были цифры – «1910», а на форте Поспелово – «1903». Видимо, тут было принято выкладывать на фасадах зданий год постройки.

По выходным петербургские дети посещали церковь. Сопровождал детей Патрик: молодой человек, учитель математики и одновременно воспитатель у малышей. Те в город не ездили, учились в местной школе. В отличие от других воспитателей, по-русски изъяснялся прекрасно, даже без акцента. Кто он был – англичанин или шотландец, Маша не помнила, главное, добрейшей души человек.

Путь в школу хотя был и не близкий, но девушке морская дорога безмерно нравилась. Погода в основном стояла теплая, солнечная, и это было непривычно. В Петербурге глубокой осенью и зимой хмарь, влажность, туманы. А здесь море и небо голубое, ни облачка, ни тучки, ветра нет. Красота!

Война, развернувшаяся в западной части, до Владивостока пока не докатилась. Но жили как на пороховой бочке из-за сложностей с японцами. Действовавшую обстановку учителя из гимназии считали совсем не простой: интервенты спали и видели, чтобы город перестал существовать в качестве российской оборонительной крепости Дальнего Востока.

Из соседнего дома, находившегося в нескольких шагах от

искровой станции, к петербургским детям часто приходила в гости девочка Поля, ей было двенадцать. Рассказывала страшилки, любила петь; носила нарядные с вышивкой платья, а косы всегда красиво заплетены. Один раз она помогла Лизе заплести волосы с одной стороны головы на другую – веночком, и Маша вспомнила: у красавицы, подарившей сверток, из-под платка виднелась очень толстая темно-русская коса, заплетенная подобным образом. Она сразу спросила, кто Полю так научил.

– Кто-кто, мама, конечно, – с живостью в голосе ответила девочка.

– А вы местные или приехали откуда?

– Я отсюда, а родители мои в этих краях лет двадцать. Мы, эстонцы, – рыбаки-поморы, учим всех правильно рыбу и морских гадов разводить.

– Кто такие – морские гады? – удивилась Маша.

– Кто-кто – трепанги, гребешки, – улыбнулась Полинка.

Маша слышала про эстонцев. Жили обособленно, занимались рыбалкой и садоводством. Вот кем были те женщины...

– Поля, а ты можешь объяснить значение слова «гешелёк»?

Девочка задумалась.

– Гешель – схрон, только маленький. В нем прячут самые ценные вещи, – ответила Поля, сразу став серьезнее, и вскоре убежала домой.

Маша проводила девочку глазами, отметив про себя, что

не будет больше вслух произносить незнакомое ей слово. Конечно, пока не представится благоприятный случай. В детской колонии эстонских девочек не было, тем более ее возраста. Значит, ни с кем не перепутали. Просто ее выбрали. Теперь надо разобраться со словами в записке, возможно, это будет ключ к разгадке. Наверное, подразумевался геше-лёк с деньгами, которыми можно будет воспользоваться исключительно в крайнем случае...

Глава 2

10 ноября, 1938 год

Юган лежал с закрытыми глазами. Все звуки были далеко. На мгновение почудилось, будто бабушка склонилась над ним, ласково называя его Юник. На ее голове был белоснежный платок с широким тонким кружевом, в уголках улыбающихся карих глаз скопились милые сердцу лучики. Затем она зашла в воду и стала медленно уходить прочь. Юган хотел пойти за ней, пытался громко крикнуть бабушке, чтобы та не торопилась, подождала, но голоса не было – мужчина не мог вымолвить ни слова. Замотал головой, с трудом приоткрыв веки. На него смотрела женщина, трогала его лоб, с силой растирая замерзшие руки. Юган не шевелился, и даже губы не слушались. После безуспешных попыток привести его в чувство исчезла. Он снова провалился в тяжелое полубезыбие, в котором увидел мальчика с соломенными волосами, бежавшего по бескрайнему полю пшеницы. Тот бежал,

размахивал руками, догоняя впереди идущих людей в белых одеждах. Этим мальчиком был он. Потом опять очнулся: его волокли на сооруженных на скорую руку носилках, к двум палкам была привязана рогожа, на ней он и лежал. Под голову положили что-то твердое; тащили быстро, но стараясь обходить мелкие камни. Повезло, море выбросило на песчаник, поэтому дорога была мягкой и без особых препятствий. В следующий раз Юган пришел в себя, лежа в постели. На нем была надета белая просторная рубаша и легкие штаны. Голова чем-то обвязана. Потолок высокий, оштукатуренный, чистого белого цвета. Помещение тесноватое, на полках много разных корзин, сундуков. Очень чисто. Похоже, каморку использовали под кладовую, но в ней стояла и кровать. Юган попробовал пошевелить пальцами рук и ног. Получилось. Согнул ноги – больно. Через минуту в дверном проеме появился азиат сравнительно высокого роста и непонятного возраста, вроде китаец. Этот народ в южные сибирские земли, откуда был Юган, наведывался частенько: покупал у местных беличьи, соболиные и рысьи шкурки в обмен на порох, шелк и приправы. Но с ними необходимо держать ухо востро – при случае обманут глазом не моргнув.

– Не двигайся! Тебе лезать надо! – китаец не выговаривал некоторые буквы.

– Где я? – слабым и почти беззвучным голосом произнес Юган.

– Холосо, сто хозяйка доблая, ты у нее дома, сама лечит,

и я, Саса, ей помогай, – китаец заботливо укутал Югана теплым одеялом. – Тебе сто надо? Сто плинести?

– Где я? – продолжал спрашивать Юган, – кто вы?

– На Лусском острове, лядом с Владивостоком. Мы зивем тут.

...Юган вспомнил, как их согнали кого на полусгнившую баржу, кого на плот. Мужчины из-за холода и качки плотно прижимались друг к другу на палубах обеих посудин. Югану и его товарищу посчастливилось: они вместились на баржу. Из-за высоких бортов не было видно, в какую сторону направлялись. В неудобном положении провели неизвестно сколько времени, пока не начало сильно болтать. Люди наваливались на борта, холодная вода захлестывала с головой. Все были одеты в зимнюю, изрядно потрепанную, очень грязную и дурнопахнущую одежду: из дома каждого забрали в феврале, после двадцать третьего числа. Приходили ночью, вламывались в дома и забирали только мужчин. В родном селе Кабрицком, состоящем из отдельных хуторов, остались одни женщины и дети. Дальше были долгие допросы о том, зачем предал Родину и Советскую власть. А зачем ему идти на предательство? И когда? Прошлой осенью хутора отказались отдавать в колхозную складчину восемьдесят процентов выращенного на своих землях зерна. Был неурожайный год, и если бы переселенцы так поступили, самим бы нечего было есть. Близлежащие деревни согласились, а они нет. В селе жили одни эстонцы: в период стольпинской ре-

формы несколько семей пригласили из Лифляндии в Сибирь для выращивания и селекции растений. Поначалу, пока не выучили русские слова, держались особняком. Власти разрешили им создать населенный пункт со своей школой на двух языках – русском и эстонском. Богатейшие урожаи были в Кабрицком! Переселенцы всегда работали, трудились над новыми сортами пшеницы, овса, яблок и абрикосов, чтобы растения переносили суровый сибирский климат; учили местных разводить рыбу в прудах. Водку не пили. И оказались самыми виноватыми. Мужчин Кабрицкого закрыли в темном бараке маленького городка Канска, а после допросов увезли в Красноярск по разным тюрьмам – «распылили», такое вот определение услышал тогда Юган. Из односельчан рядом с ним оказался 21-летний Эвальд. В Кабрицком были соседями и по счастливой случайности на всех пересылках оставались вместе. Поддерживали друг друга, помогали чем могли. Ничего не знал о брате жены Иды, Николае. Его тоже забрали в ту же ночь. В Красноярске всех подолгу допрашивали, кого-то били. Югану с товарищем везло: на них или пересменка у конвоиров начиналась-заканчивалась, или обед был, а как-то и вовсе комиссия приехала. Благодаря удачным стечениям обстоятельств руки-ноги-голова у него и Эвальда остались целыми. Лишь больно исхудали. Кормили безвкусной жижей, сваренной из заплесневевшего хлеба. Ложки отсутствовали, ели руками. Не мылись – воду давали только для питья, в ограниченных количествах; белья и запасных

вещей не было. Спали на соломенных топчанах, а некоторые и просто на земляном полу. В Сибири первые холода и резкие перепады температур начинались уже летом. Многие были простужены. Однажды во время прогулки Юган увидел Иду. Любимую ненаглядную жену Иду. Она плотно прижималась к железным прутьям, по щекам катились безмолвные слезы. Была в нарядном, с широким тонким кружевом, белом платке. Смотрела на него, не отрываясь и приложив палец к губам. Через несколько минут ее грубо согнали с места, винтовкой отталкивая от ограждения. Ида долго не подчинялась, пока в ее сторону не вскинули оружие. Пришлось уйти. Сразу сгорбилась, низко опустив голову и еле передвигая ноги. Какими правдами или неправдами узнала, где он, неизвестно, главное, свиделись. Юган смотрел вслед своей нежной, доброй, хрупкой Иде в последний раз...

Двадцать второго августа, с первыми заморозками, их отправили по железной дороге в пустых угольных вагонах до Владивостока. Высадили на станции Вторая Речка, дальше вели пешком до самого пересыльного лагеря, рядом с Моргородком. Продержали около двух месяцев. Жили в деревянных, наспех сколоченных бараках. Каждый день кто-нибудь умирал. Люди сильно кашляли. В меню, кроме хлебной каши, появились полугнилые помидоры и арбузы. Юган с Эвальдом держались неразлучно. Несмотря на тридцать восемь и почти полгода в тяжелых условиях, Юган был крепким и выносливым. Высокого роста, худощавый, с вырази-

тельными чертами лица, на носу еле заметная горбинка, волосы темно-русые, хотя в детстве были соломенного цвета. Бабушка говорила, у них в роду у всех так. Раз в две недели набирали небольшое количество арестантов и отправляли на пароходах одних в Магадан, других на Сахалин. А в ноябре пришел черед Югана с Эвальдом. Группа изможденных, грязных, плохо одетых людей медленно брела по основной городской дороге с Моргородка в порт на мыс Чуркина. Шли пять часов. Их постоянно подгоняли, подталкивали, некоторые падали, поднимали свои же, поддерживали и шли, преодолевая версты. Кто-то из конвоиров просчитался, группу набрали на тридцать человек больше, чем надо, и на корабль отобранные арестанты не помещались. Решили двадцать человек посадить на баржу. На ней только одна закрытая каюта, совсем мизерная – с решетками на окнах и железной дверью, и она для капитана и матроса. Для пассажиров – открытая палуба. К барже привязали большой деревянный плот, на нем тоже находились арестанты, остальные десять. Лежа. В ноябре. Когда может быть шторм и безумная стихия будет захлестывать ледяную морскую воду на палубу баржи, где не укрытые люди могут только в обнимку стоять, и на поверхность плота, где люди могут лишь беспомощно лежать...

После очередной сильнейшей волны старую, потрепанную временем баржу перевернуло. От плота впоследствии даже щепок не нашли. Юган схватил бревно, смытое с палубы, и с его помощью удерживался на поверхности. Хорошо, не успе-

ло утянуть на дно и не набрал воды. Искал, звал Эвальда изо всех сил, но сквозь рев ветра и волн это было бесполезно. В столь жуткую непогоду что-либо увидеть или услышать просто невозможно. Знал, чуял, берег недалеко, но в какую сторону плыть, не понимал. Гигантские волны хлестали по израненному телу, морскими перекатами полностью перекрывая все звуки. От холода Юган заснул...

Глава 3

Маша смотрела на мужчину, внезапно ворвавшегося в ее тихое размеренное настоящее. В сердце защемило, когда нашла его на песке и везла с Сашей домой. Подобное она испытывала по отношению к Ване, брату Полинки. Всегда чувствовала его приближение, а случайные (возможно, и нет!) прикосновения обжигали. Была ли это любовь, Маша не знала, слишком юной была. После смерти супруга вела совершенно отшельнический образ жизни. Разбавлял одиночество китаец Саша, давно живший в семье мужа. Конечно, он мог уехать на родину, но был предан покойному Всеволоду до глубины души. Тот его во время охоты вытащил из когтей самого леопарда, и Саша боготворил своего спасителя. Всех китайцев, живших во Владивостоке, называли хунхузами, так уж повелось. Хотя это глубоко неверно. Если быть точнее, хунхузы – китайские морские пираты, иногда промышлявшие и сухопутным разбоем. Началось все с тех времен, когда разбойники, по слухам, закапывали на Русском

острове свои награбленные несметные сокровища.

Детей у Маши не было. «И уже не будет», – горько вздыхала она, смотря на свои тридцать пять в зеркало. В отражении видела стройную, хрупкую, приятную женщину с темно-русыми длинными, спадающими густыми волнами волосами и серо-зелеными, сверкающими искорками глазами. Почему Бог не дал им с мужем детей – неизвестно, может, северо-западный ветер виноват, как говорили здесь местные жители. Многие советовали, когда осталась одна, уезжать. Деньги есть, села тайно по договоренности с кем-либо на пароход и была такова где-нибудь в Америке. И чем чаще она задумывалась, тем все яснее в голове прорисовывался четкий и обдуманый план...

Постучали в дверь. Маша быстро закрыла кладовку, куда разместила Югана. Про себя называла его Ваней, как свою скромную девичью симпатию. Низкую дверь заставила полупустым шкафом и направилась к вошедшему; с ним разговаривал Саша, оттягивая драгоценные секунды. Пришел сосед Сергей, давно желавший не только чай с Машей распивать. Он смотрел пристальным и одновременно вопросительным взглядом, об истинном значении которого она пока не догадывалась.

– Недалеко от острова перевернулась баржа с арестантами-уголовниками. Ищут уцелевших. Ты же знаешь, к нашему берегу сильное течение ведет, вечно все прибывает, – полупшепотом ронял слова Сергей, глубоко обнажая нижние зу-

бы. Широкий, приземистый, с круглым лицом, он смотрел на людей исподлобья, подозревая всех и вся в немислимых грехах. С Машей они давно были на «ты», сразу после знакомства на ее свадьбе.

«Ах, вот чего! Пришел с разведкой!» – молниеносно поняла Маша.

– В одном месте увидел, будто по берегу тяжелое волокни, – Сергей подозрительно смотрел Маше в глаза.

Она знала, этого не может быть. От сильной волны на берегу не должно было остаться ни одного камешка, тем более следов. Маша, не отводя взгляда от Сергея, спросила:

– Теперь среди нас уголовники будут ходить?

Настал черед Сергея. А ответ держать надо! Ведь как-никак замглавы острова!

– Вот мы и ищем, спрашиваем, кто чужих видел, – оправдываясь, ответил тот.

– Ладно, заходи, чаю попьем. Сегодня Саша вкуснейшие булочки испек! С маком! – смеясь, пригласила Маша.

– По мне бы лучше с мясом, – еле слышно пробурчал Сергей.

– Ты что-то сказал? – весело переспросила Маша.

– Да нет, ничего, я о своем, – и, приняв приглашение, быстро юркнул в столовую.

Глава 4

Юган понял: в дом кто-то пришел. «Выдадут – не выда-

дут?» – гадал он. Китаец делает то, что ему хозяйка скажет, а он ее пока не знает. Но если спасла его, лечит, была надежда – не выдаст.

Лежал не шелохнувшись. Затекали руки и ноги, хотелось пошевелиться, но страх, что услышат, был сильнее. Юган представил, как косит траву, а жена с детьми граблями собирают маленькие стога: сначала завинчивают траву в дорожки, затем складывают их толстым «рулетиком», а после скрутки ставят одну на другую, пирамидкой. Земли у эстонцев было предостаточно; держали коров, коз, свиней, кур, уток, индюков. Между огородами с соседями заборов не было, только межа. Растили картошку, морковь, свеклу, горох, фасоль, чеснок. У многих были пасеки. Юган вспомнил вкус жареной картошки с мясом, приправленной густой желтой сметаной. К картошке всегда полагались соленые, с бахромой по краям, грузди (в Сибири их видимо-невидимо!) и огурцы. Еще любил смотреть на Иду, когда та рукодельничала: она вязала самые красивые на свете варежки, шапочки, носки, шарфы и салфетки; шила на всю семью одежду и постельное белье. Любимым платьем его кудесницы было шелковое, летящее, с неяркими красными цветами на темно-синем фоне. В доме постоянно мирно жужжала машинка «Зингер». Ида называла ее своей лучшей подружкой и искусной помощницей, ежедневно протирая бархатной подушечкой, которая ни для чего больше не использовалась...

Эти мысли помогли Югану лежать не двигаясь. Примерно

через час за дверью раздался легкий шум отодвигающегося шкафа... В проеме показался китаец, его смешливые узкие глаза на круглом и плоском, похожем на луну лице внимательно смотрели на Югана.

– Повесло! Хосяйка доблая у меня!

Приблизился к Югану и сделал ему легкий массаж ступней и кистей рук, одновременно нажимая на определенные точки на теле мужчины.

– Не, не пойдет! Надо иголки! – с этими словами китаец удалился, но вскоре вернулся, держа в руках железную банку.

– Лези тихо! – приказал китаец, подняв палец вверх. – Нисего не бойся, доведься мне! – и Саша ловко начал ставить Югану иголки в руки, ноги, лицо, голову, уши, грудную клетку...

Тот лежал и следил за всеми манипуляциями. «Ладно, живы будем, не помрем! Ведь не зря сюда притащили, надеюсь, это не опыты...» – пронеслась очередная мысль в голове Югана, и он заснул.

Снился тот же сенокос, вспоминаясь намеренно: Ида пряталась вместе с детьми в стог сена. Пустая телега ехала прямо на него, он стоял посреди поля и не мог отойти в сторону – ни руки, ни ноги не шевелились...

Глава 5

Юган был немногословен, но иногда как прорывало: на-

чинал с горячностью рассказывать о своем селе, родителях, жене, детях – у него были две девочки и мальчик, – описывал дом, лес, сколько живности разной, рыбы... Перескакивал с одной темы на другую, затем замолкал. Потом про арест, односельчан, что к лету стали забирать мужиков и с соседних деревень... А он думал, корил себя, что все случилось из-за неотданного урожая...

– И у нас по краю аресты начались, – сетовала Маша, – а китайцев собираются депортировать на историческую родину.

– Но у меня историческая родина не Магадан и не Сахалин, да и семья есть... Зачем же так со мной и остальными? – недоумевал Юган.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.